

Глава 27. Будни после маленького примирения

Дядя и тётя Лу Цунбая, тщательно всё обдумав, решили спонсировать племянника до самого окончания старшей школы. Ему выделили по четыреста юаней в месяц — сумма не бог весть какая, но достаточная, чтобы бросить изнурительные подработки и сосредоточиться на учёбе.

Тем временем Девятый дядя от лица районного сообщества Цяоди начал судебную тяжбу с Лу Цзюнем. Как временный опекун, он намеревался вытрясти из непутёвого отца алименты на содержание сына.

Лу Цунбай наконец-то смог вздохнуть свободнее.

— Слушай, — сказал ему однажды Янь Шань, закончив свои нехитрые подсчёты, — я тут прикинул... готовить дома выходит дешевле, чем питаться в школьной столовой.

— В закуской Девятого дяди каждый день остаются излишки мяса и овощей, их можно выкупать по дешёвке и забивать холодильник. Так мы сэкономим юаней сорок в месяц.

Лу Цунбай прекрасно понимал, что при доходах Янь Шаня такая бережливость ему ни к чему. Вся эта экономия затевалась исключительно ради него самого. В груди разлилось тепло.

Помня недавнее предупреждение о том, что отказываться от добрых намерений запрещено, он не стал возражать и лишь согласно кивнул. Но тут же в голову пришла другая мысль.

— Нам двоим хватит и одного блюда на ужин, — заметил Цунбай. — Вот только... ты-то сам умеешь готовить?

Янь Шань выпятил грудь и с самым непоколебимым видом заявил:

— Сейчас не умею, но кто мешает научиться?

Нагуглив пару рецептов и закупив продукты, Мастер Янь решил устроить пробный заезд. Цунбай с явным беспокойством прищурился, тенью следуя за ним по пятам.

Оба замерли у кухонной плиты.

Наконец кулинарный шедевр был торжественно водружён на стол. Дебютным блюдом великого повара стала банальная яичница с помидорами.

Цунбай осторожно зачерпнул кусочек, прожевал, отложил палочки и погрузился в глубокое раздумье.

— Ну как? — с надеждой в голосе спросил Янь Шань.

— У меня только один вопрос, — замялся Лу Цунбай. — Зачем ты добавил в помидоры уксус?

— Ну так... яичница с помидорами же должна быть с кислинкой!

— А то, что помидоры сами по себе кислые, тебя не смутило?

— Ой... точно, — Янь Шань неловко рассмеялся. — Забыл.

— И что ты ржёшь?

Чтобы не переводить продукты, им пришлось давиться этой кислятиной до последней крошки. От избытка кислоты челюсти сводило так, что едва не начались судороги.

Пришла пора смены караула.

Цунбай взялся за лопатку с такой уверенностью, будто занимался этим всю жизнь. Янь Шань даже рот приоткрыл от удивления.

— Научился, когда бабушка болела, — пояснил Цунбай, помешивая овощи в сковороде. — Правда, сил тогда было маловато, чтобы лихо подбрасывать продукты в воке, так что освоил только простые домашние блюда.

Он ловким движением переложил готовую порцию на тарелку.

— Попробуй теперь это.

Едва Янь Шань проглотил первый кусочек, как он просиял от восторга.

— Вкусно! Ну, соли многовато, но честное слово — очень вкусно! Знаешь что... давай ты будешь готовить, а на мне — посуда.

— О, а ещё я могу нарезать продукты! Тогда тебе после школы останется только достать всё из холодильника и бросить на сковороду.

Лу Цунбай скептически хмыкнул.

— Ты свои помидоры видел? Как будто их не резали, а в клочья рвали. Давай уж я сам.

— Я просто не тренировался! — не сдался Янь Шань. — Дай мне пару дней, и я стану асом нарезки!

Так началась их совместная «семейная» жизнь. Каждый день после уроков они заглядывали в закусочную Девятого дяди за продуктами, возвращались домой и вместе возились на кухне. Это отнимало время, но экономило деньги и — что важнее — вносило в монотонную школьную рутину каплю домашнего уюта.

Янь Шань и впрямь принялся за тренировки. Первые три дня всё шло гладко: результаты были посредственными, зато рвение — похвальным.

На четвёртый день кулинарный гений всё-таки порезал палец.

Цунбай тут же выставил его из кухни.

— Ты губишь во мне великого повара! — протестовал пострадавший, потрясая пальцем, который Цунбай замотал так щедро, что тот стал похож на кокон шелкопряда.

Поскольку Янь Шань продолжал крутиться под ногами, как назойливый щенок, мешая процессу, Цунбай мелом прочертил на полу линию и строго-настрого запретил её пересекать.

— Твои руки созданы для рисования, — отрезал он, сосредоточенно шинкуя овощи. — Так что предоставь это мне.

Ужин получился — пальчики оближешь. Янь Шань даже выпросил добавку. Теперь он съедал почти триста граммов риса за раз. Признав поражение перед кулинарным талантом соседа, он окончательно закрепил за собой роль мойщика посуды.

Спустя какое-то время Юань Пэй почувал неладное: уж больно сладкой стала атмосфера между этими двоими.

На перемене, лениво перекатывая во рту леденец, он пришёл к дверям Нулевого класса, чтобы поболтать с Янь Шанем.

— Ого, — протянул Юань Пэй. — Гляжу, у вас воссоединение семьи?

— Свали в туман, придурок, — огрызнулся Янь Шань. — Не носи чепухи.

— О-о, да мы нервничаем! Слушай, после пробных экзаменов же будет пересадка. Снова сядешь с Братом Лу?

Янь Шань прижал к груди учебники.

— Разумеется. Мы уже договорились. К тому же, он подтянет меня по химии.

Несмотря на все недавние потрясения, Лу Цунбай вновь занял первое место в рейтинге школы, оторвавшись от второго места на немыслимые восемьдесят баллов.

Янь Шань тоже подтянулся — семнадцатая строчка. До его пика (второго места) было ещё далеко, но прогресс наметился. Впрочем, до появления в Четвертой средней школе Лу Цунбая он и вовсе бывал первым.

Рассадка в классе по-прежнему шла строго по списку. Все ученики вышли в коридор со своими пожитками.

Цунбай зашёл первым. Окинув взглядом пустую аудиторию, он выбрал место в первом ряду у окна. Выглянув в коридор, он жестом указал Янь Шаню на стул рядом.

Тот в ответ вскинул руку, показывая знак «ОК».

Юань Пэй, наблюдавший за этой сценой, скривился, словно от зубной боли:

— Ну всё, докатились... В твоей истории больше нет места для меня.

Янь Шань стоял в списке достаточно высоко и технически должен был получить это место без проблем. Но когда в класс зашли ещё пара человек, один из учеников — Ли Цзин — направился к парте Лу Цунбая, собираясь спросить, свободно ли там.

Не дожидаясь ответа Цунбая, Янь Шань буквально подпрыгнул на месте. Ухватившись руками за подоконник, он рывкнул в открытое окно:

— Это место забронировано! Ли Цзин, иди поищи себе другое!

Тот лишь озадаченно почесал затылок и отошёл.

Юань Пэй застыл в шоке:

— Ничего себе... Уже территорию метим? В открытую?

«Вот это новости! Нужно срочно поделиться сплетней с Чжао-чжао», — решил он.

Лу Цунбай выбрал самый крайний ряд слева, подальше от прохода. Из окна открывался вид на соседний корпус и уютный школьный садик внизу.

На этот раз у прохода сидел Цунбай, так что если Янь Шаню приспичило бы выйти, ему пришлось бы просить соседа «подвинуть свой царственный зад».

Цунбай и сам не прочь был поквитаться: он отлично помнил, как во время их прошлого соседства Янь Шань заставлял его прыгать через подоконник.

После утренней линейки Янь Шань, сонно протирая глаза, потряс его за плечо и пробормотал:

— Вставай, мне надо выйти.

Цунбай, уткнувшись в учебник английского и делая вид, что страшно занят заучиванием слов, бросил:

— Пролезай так.

Янь Шань замер, оценивая масштаб задачи, затем согнулся и попытался просунуть голову под мышкой соседа.

Цунбай инстинктивно дернулся, в испуге воскликнув:

— Ты что творишь?!

Среди бела дня... он буквально лезет на него!

Голова Янь Шаня оказалась зажата между рукой и боком Цунбая. Он начал отчаянно барахтаться, приглушённо хихикая:

— Да не зажимай ты меня! Пусти!

От этих движений Цунбаю стало щекотно. Он сжался ещё сильнее, разрываясь между смехом и возмущением:

— Щекотно же! Перестань дёргаться... Чёрт, вылезай быстрее, я сейчас не удержусь...

— Да я застрял! Ай! — продолжал копошиться Янь Шань.

Раздался оглушительный грохот — стул не выдержал и перевернулся. Оба парня кубарем покатались на пол.

Янь Шань приземлился прямиком в объятия Лу Цунбая.

Сосед по парте, мирно дремавший до этого момента, подскочил как ошпаренный:

— Староста! Вы чем тут вообще занимаетесь?!

Янь Шань, опираясь на грудь Цунбая, с трудом поднялся и обиженно пропыхтел:

— Я просто в туалет хотел.

Цунбай оттолкнул его, потирая бок:

— Иди уже, господи... Ну и заноза.

— Ты сам сказал: пролезай. Ну, я и полез, — пробурчал Янь Шань и, припрыгивая, умчался в коридор.

Лу Цунбай остался один разгребать последствия. Подняв учебники и отряхивая пыль, он понял, что слова в тексте больше не складываются в смысл.

Сонный Янь Шань был похож на какое-то мягкое, покладистое животное. Это секундное соприкосновение оставило странный осадок — сердце билось неровно. Лу Цунбай уставился в книгу, делая вид, что учит, а на деле пытался привести мысли в порядок.

Раздумья затянулись до самого начала первого урока. Шла литература, разбирали классическую поэзию — ничего сверхсложного.

Янь Шань решил, что это идеальное время для сна.

Видя, как тот укладывается на парту с выражением глубочайшего умиротворения на лице, Цунбай нахмурился:

— Снова всю ночь рисовал?

— Угу. Разбуди, как звонок будет.

Янь Шань сладко зевнул и протянул руку к соседу:

— А-Цэ, дай свою куртку.

Цунбай покорно снял форменную ветровку.

— А твоя где?

— Твоя пахнет лучше, — пробормотал Янь Шань, свернул куртку валиком вместо подушки и мгновенно провалился в сон.

Вошедший в класс Су Му сразу заметил спящего под камерами ученика. Учитель недовольно поджал губы и постучал книгой по кафедре.

— Разбуди его, — скомандовал он Лу Цунбаю.

Тот легонько толкнул соседа.

— Ноль реакции. Янь Шань лежал неподвижно, как гранитная глыба.

Су Му уже начал лекцию. Цунбай помедлил, затем склонился к самому уху Янь Шаня и прошептал:

— Вставай давай, Учитель Су сегодня явно не в духе.

Янь Шань лишь плотнее вжался лицом в импровизированную подушку:

— Спать...

Из-под локтя виднелся краешек его лица: густые ресницы подрагивали, во сне он казался совершенно беззащитным.

Цунбай молча посмотрел на него несколько секунд, а затем протянул руку и плотно задернул шторы, закрывая спящего от ярких лучей утреннего солнца.

«Пусть спит», — вздохнул он про себя.

За неделю до праздника Цинмин на город Т обрушился холодный фронт. Температура резко упала. По школе пополз грипп; в медкабинете выстроились очереди, а на уроках шмыганье носом перекрывало голос учителей.

Янь Шань не стал исключением. Первые пару дней он крепился — только першило в горле. Но потом болезнь навалилась со всей силой: голос стал таким гнусавым, будто он говорил с полным ртом вареных яиц.

А потом температура подскочила до сорока. Утром он просто не смог отодрать голову от подушки — тело превратилось в кисель.

Кое-как дотянувшись до телефона, он набрал номер Лу Цунбая.

— Отпроси меня... — прохрипел он. — Кажется, мне конец. Кха-кха!

Через пять минут Лу Цунбай буквально ворвался в комнату — в одних домашних шортах, едва не вынеся дверь с петель.

— Дышишь ещё? — спросил он, подлетая к кровати. — К врачу едем?

Янь Шань зашелся в тяжелом кашле:

— Дома есть лекарства... Выпью и отлежусь. Я учителю написал, утром меня не будет.

— Только утром? Да ты посмотри на себя! Отдыхай весь день, я сам зайду к Су Му и всё объясню.

Цунбай перерыл аптечку в гостиной и обнаружил, что срок годности всех порошков истек. Чертыхнувшись, он выскочил из дома и побежал в ближайшую аптеку. Вернувшись, он сам развел лекарство горячей водой и проследил, чтобы Янь Шань выпил всё до капли.

Затем он потрогал одеяло соседа.

— Тонкое. Тебя же лихорадит, замерзнешь.

Он сходил в свою комнату и притащил огромное толстое одеяло.

Янь Шань, пребывая в полузабытьи, ощутил, как на него навалилась невероятная тяжесть. Он едва не задохнулся и с трудом высунул нос из-под груды шерсти.

— Тяжело...

Цунбай коснулся его лба.

— Позже, когда начнет знобить, спасибо скажешь. Я оставил тебе кашу на столе, обязательно поешь. В обед вернусь и приготовлю ребра на пару.

Понимая, что уже опаздывает, Лу Цунбай нехотя покинул квартиру.

Дома воцарилась тишина. У Янь Шаня ломило суставы, даже повернуться на бок было непосильной задачей. Нос заложило намертво, и он дышал ртом, как выброшенная на берег рыба.

В голову лезли дурацкие мысли: «А если я прямо тут и помру, никто же не узнает?» Ведь он остался совсем один. Когда умер отец, именно он, маленький мальчик, звонил взрослым и просил о помощи.

В разгар этих мрачных раздумий он внезапно уловил едва заметный, но до боли знакомый аромат. Несмотря на заложенный нос, он приподнял голову и начал принюхиваться, пока не нашел источник.

Оказалось, это одеяло Лу Цунбая. Оно пахло чистотой, свежестью и солнцем — тем самым уютным домашним запахом белья, которое только что сняли с веревки.

Янь Шань поглубже зарылся в одеяло. Вспомнил, как Цунбай обещал вернуться в обед и приготовить ребра.

«Он вернется», — эта простая мысль принесла мгновенное облегчение. Тревога отступила, и Янь Шань наконец-то провалился в глубокий, целительный сон.

Лу Цунбай слово сдержал: и в обед, и вечером кормил больного мясом. На вторую ночь он даже поставил вариться костную кашу, чтобы к утру она была горячей и наваристой.

Сам он ел мало, но когда покупал мясо для Янь Шаня, денег не жалел. Спустя несколько дней такой диеты Янь Шань начал жаловаться, что его уже воротит от одного запаха свинины.

К счастью, молодой организм взял свое. Температура спала через сутки, и хотя слабость еще оставалась, Янь Шань быстро шел на поправку. Единственное — после болезни он стал до странного навязчивым.

Не выдержав жалобного взгляда «пациента», Цунбай наконец-то приготовил на ужин что-то легкое и овощное. Поев, они устроились на диване с телефонами.

Завтра был Цинмин. Школа дала один выходной для поминовения предков, остальные два дня предстояло отрабатывать.

— Я договорился перенести уроки репетиторства на сегодняшний вечер, — сказал Цунбай. — Чтобы завтра с утра съездить к бабушке на кладбище. Составишь мне компанию?

— Поехали, — согласился Янь Шань. — Дел всё равно нет, а кладбище у черта на куличках. Одному тебе там делать нечего, я буду спокойнее.

— Спасибо, Янь Шань.

Цунбай поднялся и потянулся, разминая затекшую спину. Опустив взгляд, он увидел, что Янь Шань, прижав телефон к груди, смотрит на него какими-то сиротливыми глазами.

— Ты чего так на меня глядишь?

Янь Шань поджал губы:

— Ты уже начинаешь занятие?

Цунбай кивнул, сверившись с часами:

— Через семь минут.

Янь Шань ничего не ответил. Он просто плотнее закутался в одеяло, свернувшись в плотный клубок.

Цунбай на мгновение замер, а потом до него дошло.

— Ты что, боишься оставаться один? Мы же в одной квартире, я буду в соседней комнате.

Янь Шань спрятал лицо в одеяле, оставив только глаза. И едва слышно прошептал:

— Боюсь.

Цунбай вспомнил рассказ о том, как Янь Шань два дня провел в пустом доме с телом отца. Тень того кошмара явно преследовала его до сих пор. Совсем еще ребенок, и некому было его

поддержать.

— Хочешь... — Цунбай замялся. — Хочешь, ложишься спать в моей комнате? Я буду рядом, буду говорить тихо, мешать не стану.

Янь Шань подскочил как ошпаренный. Подхватив одеяло, он пулей метнулся в комнату Цунбая, будто боялся, что тот передумает.

— Хочу-хочу! Конечно, хочу! Я буду тише воды, ниже травы, честное слово!

Цунбай озадаченно смотрел на его стремительно «исцелившуюся» фигуру. Затем покачал головой и невольно улыбнулся.

Вечерний стрим начался. Сегодня разбирали физику — анализ сил, базовые задачи. Цунбай выключил основной свет, оставив только настольную лампу. Камеру и лампу он опустил пониже, направив на лист бумаги с чертежами.

На кровати позади него Янь Шань, зарывшись в одеяло, листал ленту в телефоне. После лекарств его начало клонить в сон, и он то и дело сладко зевал.

Каждый был занят своим делом. Янь Шань вел себя образцово — ни звука, чтобы не мешать уроку.

Наступил перерыв. Цунбай отключил микрофон, выпрямился и жадно выпил воды. Оглянувшись на кровать, он увидел, что Янь Шань уже спит.

Лу Цунбай замер. Он медленно подошел к кровати, осторожно забрал телефон из ослабевших пальцев и положил на тумбочку. Янь Шань уснул прямо в процессе игры, и его рука, оставшаяся снаружи, была ледяной.

Цунбай помедлил, затем накрыл его ладонь своей, согревая, и лишь потом аккуратно убрал под одеяло.

Янь Шань спал глубоко и ничего не почувствовал. В тусклом свете лампы его профиль казался высеченным из камня, но живое тепло, исходившее от него, наполняло комнату каким-то особым смыслом.

Лу Цунбай долго стоял рядом, глядя на него. В груди ворохнулось что-то доселе неведомое. Как в трансе, он протянул руку и едва коснулся тыльной стороной ладони щеки Янь Шаня.

Это было мимолетное прикосновение, словно крыло бабочки, но Цунбай тут же отдернул руку, словно обжегся. Сердце предательски заколотилось, как у воришки, пойманного на месте

преступления.

Янь Шань заворочался, не открывая глаз, и тихо, едва различимо пробормотал во сне:

— Лу Цунбай...

Тот затаил дыхание.

— Я здесь.

...

Мир изменился.

Цунбай смотрел на спящего парня и понимал: всё стало по-другому. Это был первый раз в его жизни, когда ему захотелось стать для кого-то опорой. Разделить чужую печаль, прикрыть чужую уязвимость.

Словно они проложили между своими сердцами тонкий сосуд, по которому теперь текла одна кровь. И теперь у них была общая причина, чтобы жить дальше — они просто не могли бросить друг друга.

Лу Цунбай поймал себя на мысли, что хочет, чтобы этот «лис» принадлежал ему. Сначала идея показалась дикой, но через секунду — единственно правильной.

Янь Шань был одинок. Он сам был одинок. Вместе они могли стать друг для друга смыслом. И тогда можно было жить.

<http://bllate.org/book/17575/1713384>